

УДК 340.11:004.8
doi:10.35853/vestnik.gu.2023.4(43).02
5.1.1

Правосубъектность искусственного интеллекта: теоретико-правовой анализ

Елена Владимировна Пономарева

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия,
helenmonev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3057-9685>

Аннотация. В статье рассматривается проблематика потенциальной правосубъектности искусственного интеллекта. Автором проанализированы актуальность выбранной темы, причины обсуждения правосубъектности искусственного интеллекта на межправительственном уровне и в научном сообществе. В работе представлен анализ правовых актов, регулирующих разработку и использование «умных» роботов, оснащенных искусственным интеллектом. Автор обосновывает необходимость создания модели правосубъектности, используя формально-юридический метод исследования, так как данный метод позволяет очистить сложившиеся представления о правосубъектности, «вынести за скобки» те характеристики субъекта права, которые не соответствуют предмету юридической науки. Редуцируя все многообразие встречающихся характеристик субъекта права к соответствующим теории права признакам, инвариантным социальным изменениям, автором предложена юридическая конструкция, «идеальный тип» субъекта права. Данная конструкция может способствовать совершенствованию теоретических представлений о субъекте права, а также юридической практики в части правового регулирования потенциальных субъектов права, в частности, искусственного интеллекта. К элементам такой конструкции отнесены: 1) возможность самостоятельно осуществлять субъективные права и юридические обязанности; 2) возможность нести юридическую ответственность за противоправные поступки; 3) обособленность имущественная и организационная (для коллективных субъектов права); 4) правовая индивидуализация; 5) свободная правовая воля и вытекающие из нее собственные правовые интересы. Автором проанализирован искусственный интеллект в рамках предложенной конструкции. В результате исследования сделан вывод о несоответствии признания правосубъектности искусственного интеллекта сложившимся в теории права признакам субъекта права и теоретическим конструкциям.

Ключевые слова: субъект права, правосубъектность, юридическая ответственность, искусственный интеллект, правовое регулирование искусственного интеллекта

Для цитирования: Пономарева Е. В. Правосубъектность искусственного интеллекта: теоретико-правовой анализ // Вестник Гуманитарного университета. 2023. № 4 (43). С. 17–31. DOI 10.35853/vestnik.gu.2023.4(43).02.

Legal Personality of Artificial Intelligence: Legal Theoretical Analysis

Elena V. Ponomareva

Tyumen State University, Tyumen, Russia,
helenmonev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3057-9685>

Abstract. The article deals with the issues of potential legal personality of artificial intelligence. The author analyzed the relevance of the chosen topic, the reasons for discussing the legal

personality of artificial intelligence at the intergovernmental level and in the scientific community. The paper presents an analysis of legal acts regulating the development and use of “smart” robots equipped with artificial intelligence. The author substantiates the need to create a model of legal personality, using the formal legal method of research. This method allows for cleaning up the prevailing ideas about legal personality, “take out of the brackets” those characteristics of the subject of law that do not correspond to the subject of legal science. The author proposes an “ideal type” of a subject of law, reducing all the variety of occurring characteristics of a subject of law to the signs of invariant social changes that correspond to the theory of law. This model can help improve theoretical understanding of the subject of law, as well as legal practice in terms of legal regulation of potential subjects of law, in particular, artificial intelligence. The elements of such a model include: 1) the ability to independently exercise subjective rights and legal obligations; 2) the ability to bear legal responsibility for unlawful acts; 3) property and organizational isolation (for collective legal entities); 4) legal individualization; 5) free legal will and own legal interests arising from it. The author analyzed artificial intelligence within the framework of the proposed design. As a result of the study, it was concluded that the recognition of the legal personality of artificial intelligence does not correspond to the established law signs of a subject of law and theoretical constructions.

Keywords: subject of law, legal personality, legal liability, artificial intelligence, legal regulation of artificial intelligence

В наши дни искусственный интеллект все чаще становится предметом обсуждения в научных работах и публицистике, на уровне формирования стратегий государственного развития и среди широкой общественности. При этом важно отметить стремительно возрастающую актуальность проблем правового регулирования разработки и использования искусственного интеллекта, вопроса его потенциальной правосубъектности. Если не ранее, как пять лет назад, обсуждение искусственного интеллекта в юридической среде воспринималось многими излишним и даже экстравагантным, не соответствующим предмету классической юридической науки, то сейчас динамика научных исследований в этой области говорит об обратном. Юристы исследуют регулирование искусственного интеллекта в свете возложения юридической ответственности, анализируют особенности совершения правонарушений с использованием искусственного интеллекта, обсуждают проблемы защиты персональных данных, изучают искусственный интеллект в контексте права интеллектуальной собственности и международного гуманитарного права.

Вопрос регулирования отношений, обусловленных использованием искусственного интеллекта, приобретает все большую остроту с развитием нейронных сетей. Современные мультимодальные нейросети обрабатывают огромные массивы информации, генерируют тексты, изображения, выступают в качестве умного собеседника, пишут научные работы с высоким процентом оригинальности. При этом предлагаемые ими результаты интеллектуальной деятельности не всегда удается идентифицировать как созданные искусственно. Серьезным прорывом в этой сфере стала нейронная сеть ChatGPT, принадлежащая компании OPEN AI. Данная нейронная сеть – это не просто алгоритм, как зачастую понимают искусственный интеллект, а такая система обучения, при которой разработчик точно знает и понимает, какие данные он в нее вносит, но не знает точно, чему она способна обучиться и к каким выводам сможет прийти. Более того, результаты, предлагаемые этой нейронной сетью, провоцируют наших современников задаваться вопросом о том, является ли она личностью и есть ли у нее душа.

Известно, что еще в 1997 году суперкомпьютер DEEP BLUE победил чемпиона мира по шахматам Г. К. Каспарова. Это событие послужило отправной точкой для начала обучения шахматной игре не у человека, а у компьютера. Как результат, возраст чемпионов мира снизился на 10–15 лет, у игроков появилась возможность изучения новых стратегий и получения опыта игры значительно быстрее. В 2017 году система AlphaZero вновь изменила представления о шахматной игре. Располагая только

правилами игры и не имея информации о ранее сыгранных партиях, она стала играть против себя и обучаться игре в ее процессе. Система стала заново создавать шахматную теорию, предлагать новые концепции игры, не используя при этом опыт людей. Как следствие, современный человек начинает учиться у «умного компьютера» игре, совмещающей в себе логику и искусство, и такое обучение, демонстрируя высокую эффективность, делает лишним, бессмысленным обучение у человека. Более того, машинное обучение использует людей в качестве инструментов собственного обучения. Вполне возможно, что уже в ближайшем будущем человек станет воспроизводить эстетические и этические модели, предложенные ему нейронной сетью.

Важно признать все возрастающее влияние искусственного интеллекта на индивидуального субъекта права – человека, внедрение его во все сферы деятельности от производства до образования, выполнение им как функций физического труда, так и создание с его помощью результатов интеллектуальной деятельности. Все это требует от современного человека известной гибкости, навыка непрерывного обучения и саморазвития, дабы не отставать от стремительно меняющихся общественных отношений и изменений, касающихся собственной профессии. Именно в наши дни фраза Льюиса Кэрролла о том, что «иногда нужно бежать, чтобы оставаться на месте», стала поистине пророческой.

Влияние искусственного интеллекта на человека, его способности, поведение, в том числе лежащее в сфере правового регулирования, проявляется все ярче благодаря движению трансгуманизма. Трансгуманизм ратует за использование достижений науки для изменения жизни людей, в частности за счет улучшения физических и умственных способностей, за счет того, что человек может быть буквально дополнен технологией. Современная медицина уже предлагает экзоскелеты, нейропротезы, нейроинтерфейсы, позволяющие восполнить утраченные возможности человеческого организма. Однако трансгуманизм не останавливается на задаче восполнения утраченных человеком функций, идя значительно дальше, а именно видит в качестве цели всестороннее улучшение умственных и физических способностей человека путем создания экзокортекса и различных стимулирующих работу мозга ноотропов. В Декларации трансгуманизма 1998 года закреплено моральное право использовать технологии для увеличения физических, умственных или репродуктивных способностей. Вместе с тем в Декларации признаются риски, связанные с развитием таких технологий, и такие сценарии, которые могут привести к потере всего того, что человечество считает ценным [The Transhumanist Declaration 1998]. Как отмечается во французской литературе, «люди становятся все более роботизированными, а их отношения с интеллектуальными машинами становятся все более смешанными» [Jousset-Couturier 2016, p. 5].

Оставляя философам и социологам этические вопросы рассматриваемого движения, юрист должен обратить внимание на проблему формирования ценностных установок, интересов, устремлений, в целом правовой воли, такого нового, усовершенствованного субъекта права. Важно понимать, что если у разработчика нейропротеза появится даже потенциальная возможность оказывать влияние на поведение пациента, в том числе правовое, формируя соответствующие сигналы в мозге, то юриспруденция столкнется с серьезной необходимостью переосмысления конструкции правосубъектности и вопроса несения юридической ответственности [Семитко 2020, с. 74].

Отдельного внимания заслуживает тезис о наличии потенциальной правосубъектности искусственного интеллекта и о необходимости признания таковой в ближайшем будущем. Данный тезис, хотя не самый популярный в юридической литературе, является предметом обсуждения в силу ряда причин.

Первая причина – проблема возложения юридической ответственности. В силу высокой степени автономии в принятии решений современным искусственным интеллектом закономерно возникает вопрос о том, на кого будет возложена юридическая ответственность в случае совершения правонарушения: на разработчика (концепция безвиновной ответственности), на лицо, предоставившее правила компьютерного кода,

или на пользователя, не принявшего обычные меры предосторожности? [Loiseau, Bourgeois 2014, p. 2163].

Аварии с беспилотными автомобилями стали хрестоматийными для обсуждения вопроса юридической ответственности искусственного интеллекта. В 2016 году в США произошла авария с беспилотным автомобилем, приведшая к трагическим последствиям – гибели человека. Через год другой беспилотный автомобиль сбил насмерть человека. В 2018 году авария с автомобилем Tesla Model X привела к смерти водителя, в 2019-м электромобиль Tesla взорвался в Москве. Показательно, что виновное лицо в совершении указанных дорожно-транспортных происшествий не было установлено. Эти аварии демонстрируют сложность программирования некоторых параметров, в первую очередь основанных на морали и этическом выборе. Что делать, если автомобиль сталкивается с непредвиденным событием и должен сделать «выбор» между ситуациями, которые невозможно представить в виде алгоритма? Отдать предпочтение в пользу сохранения жизни лиц, находящихся в салоне автомобиля, или пешеходов? Возможно ли добавить параметр, основанный на возрасте потенциальной жертвы или на оценке летальных рисков?

К счастью, в России вопрос несения юридической ответственности в случае совершения дорожно-транспортного происшествия с беспилотным автомобилем был решен в 2022 году и регулируется на уровне подзаконного нормативного правового акта. Согласно пп. «е» п. 19 Постановления Правительства РФ от 9 марта 2022 г. № 309 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств» водитель-испытатель обязан незамедлительно принять на себя путем воздействия на органы управления высокоавтоматизированным транспортным средством управление им для предотвращения аварийной ситуации. Согласно пп. «ж» п. 19 Постановления Правительства РФ от 9 марта 2022 г. № 309 в случае наступления дорожно-транспортного происшествия водитель-испытатель должен руководствоваться законодательством Российской Федерации. Водитель беспилотного автомобиля не несет юридическую ответственность только в случае совершения аварии по вине других участников дорожного движения.

Вторая причина признания правосубъектности искусственного интеллекта – схожесть с человеком, которая выражается в создании искусственным интеллектом результатов интеллектуальной деятельности, сопоставимых с результатами деятельности человека, в наличии когнитивных функций человеческого мышления. Такие характеристики искусственного интеллекта заставляют задумываться о наличии у него сознания и собственной личности. Некоторые исследователи полагают, что схожесть с человеком, «разумность», когнитивные функции наделяют искусственный интеллект человеческим достоинством, а потому он, как и юридическое лицо, должен обладать правами и обязанностями, которые включали бы, среди прочего, обязанности по регистрации, заключению договоров страхования и уважению частной жизни [Bensoussan, Puigmal 2017].

Однако такой подход свидетельствует о некоторой донаучности сознания, при котором все то, что представляет известную сложность для понимания, наделяется качествами, свойственными субъекту. Особенностью человеческой психики является то, что именно в персонификации мы видим возможность понимания и обоснования сложных феноменов. Более того, в истории права мы видим, что законодатель, защищая определенную социальную ценность от посягательств, часто наделяет последнюю правами, тем самым даруя ей правосубъектность. Зачастую ценностью правопорядок признает тех, кто не обладает признаками субъекта права. Подобная тенденция сейчас наблюдается и в отношении искусственного интеллекта. Размышляя о возможности признания искусственного интеллекта новым субъектом права, не следует забывать, что признак «разумности» искусственного интеллекта, наличие когнитивных функций,

высокие результаты интеллектуальной деятельности еще не являются необходимым и достаточным основанием возникновения правосубъектности. Среди признаков государства и юридического лица, являющихся признанными субъектами права, разумность, самосознание, когнитивные функции в юридической литературе никогда не обсуждались.

Тем не менее среди российских ученых есть те, кто признает возможность наделения искусственного интеллекта правосубъектностью. К примеру, Г. А. Гаджиев пишет, что с развитием технологий возникнет необходимость признания искусственного интеллекта в качестве субъекта права, а именно как отдельной разновидности юридического лица либо квазисубъекта права [Гаджиев, Войниканис 2018, с. 45]. Все чаще звучат слова о том, что искусственный интеллект, обладая определенным уровнем автономии, способен самостоятельно приобретать субъективные права и юридические обязанности, а также создавать их для других лиц [Ибрагимов, Сурагина 2017]. П. М. Морхат отмечает, что искусственный интеллект может быть признан и в качестве объекта права, и в качестве электронного лица, наделенного полной правосубъектностью [Морхат. Правосубъектность ... 2018, с. 31–32].

Интерес представляет разработанный Д. С. Гришиным проект Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники» [Проект Федерального закона ... 2016]. Согласно проекту, «умный» робот, оснащенный искусственным интеллектом, может вступать в гражданско-правовые отношения, обладает обособленным имуществом, самостоятельно отвечает по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и обязанности, быть участником гражданского процесса. В сущности, в предложенном проекте перечислены признаки юридического лица, закрепленные в статье 48 Гражданского кодекса РФ [Гражданский кодекс РФ ... 2023].

Д. Валетт справедливо отмечает, что юристы задаются вопросом о признании правосубъектности автономных роботов (искусственного интеллекта), предлагая либо уподобить их юридическим лицам, либо обосновать совершенно новую категорию права, занимающую промежуточное положение между лицами и вещами. В свою очередь, ученый предлагает создать *lex robotica* [Valette 2017, p. 12].

Тема «искусственный интеллект и право» представляет собой достаточно благодатную почву для исследований и научных дискуссий еще и потому, что правовое регулирование в данной сфере только пытается догнать развитие искусственного интеллекта, ограничиваясь разработкой рекомендательных норм как на уровне международного права, так и на уровне национальных правовых систем. Многие проблемы в области использования искусственного интеллекта требуют от законодателя разработки правовых и технических норм с целью упорядочения правового регулирования.

В 2021 году ЮНЕСКО разработала Рекомендации об этических аспектах искусственного интеллекта [Рекомендации об этических аспектах ... 2021]. В документе закреплено, что искусственный интеллект способен обрабатывать данные и информацию способом, напоминающим разумное поведение и включающим, как правило, такие аспекты, **как рассуждение, обучение, распознавание, прогнозирование, планирование и контроль**. Важно отметить, что документ закрепляет такой признак искусственного интеллекта, как разумное поведение и наличие когнитивных функций, которые всегда были присущи исключительно человеку. Подобная дефиниция искусственного интеллекта закреплена и в российском праве. Рекомендацию следует отнести к мягкому праву, так как она не содержит общеобязательных правил поведения и не требует признания и имплементации в национальные правовые системы, однако способна оказывать влияние на развитие внутригосударственного права.

К сожалению, в настоящее время на уровне Организации Объединенных Наций не разработаны многосторонние международные конвенции, регулирующие использование искусственного интеллекта. Создание таких норм – задача будущего, осложненная

неготовностью многих государств принимать на себя обязательства в области развития технологий искусственного интеллекта, что особенно ярко проявляется в сфере международного гуманитарного права. Напомним, что кампания, стремящаяся запретить использование смертоносного автономного оружия (САС), или так называемая кампания против «роботов-убийц», начатая в 2013 году, не увенчалась успехом, а к определению легальности использования оружия, оснащенного искусственным интеллектом, применяются нормы Женевских конвенций от 12.08.1949 г. [Женевская конвенция ... о защите гражданского населения 1949; Женевская конвенция ... об обращении с военнопленными 1949; Конвенция (I) об улучшении участи раненых ... 1949; Конвенция (II) об улучшении участи раненых ... 1949] и Дополнительный протокол (I) к Женевским конвенциям, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 08.06.1977 г. [Дополнительный протокол ... 1977]. С даты принятия Женевских конвенций и Дополнительного протокола (I) к Женевским конвенциям, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов, прошло 74 и 46 лет соответственно, а потому существующие нормы международного гуманитарного права не могут быть достаточными для регулирования использования искусственного интеллекта в данной области.

К области мягкого права также следует отнести Рекомендации по искусственному интеллекту Организации экономического сотрудничества и развития от 22 мая 2019 года [OECD Recommendation of the Council on Artificial Intelligence ... 2019]. Документ содержит рекомендации государств – членов организации.

На международном уровне также принята Окинавская хартия глобального информационного общества от 22 июля 2000 года [Окинавская хартия ... 2000]. Хартия закрепляет необходимость разработки нормативной основы для сокращения разрыва в развитии цифровых технологиях разных государств.

На уровне Совета Европы действуют следующие правовые акты: Европейская этическая хартия Совета Европы по использованию искусственного интеллекта в судебных системах от 3 декабря 2018 года [Европейская этическая хартия ... 2018]; Руководство о защите данных при использовании искусственного интеллекта от 25 января 2019 года [Guidelines on Artificial Intelligence and Data Protection 2019]; Рекомендации о влиянии алгоритмических систем на права человека от 8 апреля 2020 года [Recommendation CM/Rec(2020)1 ... 2020]; Декларация Комитета министров о рисках принятия решений с использованием компьютеров или искусственного интеллекта в области социальной защиты от 17 марта 2021 года [Declaration by the Committee of Ministers ... 2021]. Правовые акты содержат рекомендации для членов Совета Европы, указывающие на необходимость развития законодательства, защиты прав человека, уменьшения рисков, связанных с использованием искусственного интеллекта.

Комитет по правовым вопросам Европейского парламента в докладе, содержащем рекомендации о гражданско-правовых нормах, регулирующих робототехнику, от 21 января 2017 года, предложил создать особую правосубъектность для сложных автономных роботов с тем, чтобы они могли рассматриваться как электронные лица с правами и обязанностями, включая обязанность по возмещению любого ущерба, причиненного третьей стороне [Report with recommendations ... 2017].

В 2017 году на уровне Европейского союза была принята Резолюция «Нормы гражданского права о робототехнике» [Нормы гражданского права о робототехнике ... 2017]. Документ содержит общие положения о юридической ответственности за вред, причиненный роботами, этические принципы разработки и использования роботов. В Резолюции закреплена необходимость определения правовой природы робота и соотношения ее с существующими правовыми понятиями (пункт AC) отмечено, что стандартных правил несения юридической ответственности производителем явно недостаточно в случае, если робот работает автономно (пункт AF). Тот же вывод сделан и в пункте AG о случае, если робот способен выбирать контрагента, обсуждать условия и заключать договор.

В Резолюции поднимается вопрос определения субъекта юридической ответственности и недопустимости ограничения последней при достаточной автономности робота. Констатация данной проблемы на уровне Европейского парламента закладывает основы для дальнейших дискуссий относительно потенциальной правосубъектности искусственного интеллекта («умных роботов»). Вместе с тем вопрос о наделении умного робота правосубъектностью в документе не решен.

Все вышеперечисленные акты носят рекомендательный характер и создают серьезную этическую основу для правового регулирования искусственного интеллекта на уровне отдельных государств. Однако ни один из существующих международных и региональных правовых актов не определяет искусственный интеллект в качестве самостоятельного субъекта права даже при достижении последним высокой степени автономности.

В Российской Федерации приняты следующие нормативные правовые акты в области использования технологий искусственного интеллекта:

– Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р, которым утверждена государственная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Распоряжение Правительства РФ ... 2017]. Вопрос о признании правосубъектности искусственного интеллекта в данном документе поставлен не был;

– Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», которым утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. [Указ Президента РФ ... 2019];

– Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве» [Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ]. Согласно ст. 2 ФЗ от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ *искусственный интеллект* – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе такое, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Определение искусственного интеллекта, сформулированное российским законодателем, созвучно определению искусственного интеллекта, содержащемуся в рекомендациях ЮНЕСКО. Более того, в российском законодательстве закреплено, что результаты деятельности искусственного интеллекта сопоставимы, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Несмотря на уравнивание законодателем интеллектуальных возможностей человека и искусственного интеллекта, потенциальная правосубъектность последнего в российском праве не закрепляется. Более того, исходя из дефиниции искусственного интеллекта, логичнее будет постановка вопроса не о правосубъектности последнего, а о том, является ли он единым объектом права либо это понятие, которым обозначен круг объектов, относящихся к искусственному интеллекту.

В юридической литературе можно встретить тезис об отсутствии в праве критериев наделения правосубъектностью, а потому при обсуждении потенциальной правосубъектности искусственного интеллекта часто апеллируют к нормам морали, задаются вопросами о наличии сознания, души или чувств, как если бы эти качества были необходимыми признаками субъекта права [Дремлюга Р. И., Дремлюга О. А. 2020]. В подобной логике рассуждения несложно заметить потерю юристами собственного предмета исследования, попытку решения юридической задачи методами других наук. В конце

концов, юристы не могут и не должны делать выводы о том, стоит ли помещать искусственный интеллект в юридическую конструкцию право-дееспособности, ссылаясь на внешнюю схожесть последнего с человеком, когнитивные функции, наличие сознания, так как это не входит в предмет юриспруденции и не может быть изучено ее методами. Именно поэтому вопрос методологии исследования потенциальной правосубъектности искусственного интеллекта является краеугольным, и без его конкретного решения любые выводы по данной теме будут неудовлетворительными.

Н. Н. Тарасов справедливо отмечает, что «ограничения в применении тех или иных исследовательских средств других наук задаются природой государства и права, логикой предмета юридической науки» [Тарасов 2001, с. 33]. Важно помнить о связи предмета и метода юридической науки [Нерсисянц 2009, с. 65; Козлов 1989, с. 16], которая выражена в особом категориальном аппарате, в наличии собственных методов исследования [Алексеев С. С. 1981, с. 30; Нерсисянц 2009, с. 65]. Обращение юристов к методам других наук может быть обоснованным только тогда, когда обнаруживается явная недостаточность методов юриспруденции. Тем не менее представляется, что юриспруденция способна с помощью собственных методов решить вопрос признания правосубъектности потенциальных субъектов права.

Важная часть любого исследования, посвященного потенциальной правосубъектности искусственного интеллекта, – формализация представлений о субъекте права, результатом которой станет необходимый состав признаков (свойств, характеристик) субъекта права. Основным методом такого исследования должен быть формально-юридический, поскольку именно он позволит очистить сложившиеся представления о правосубъектности в разные исторические эпохи и в разных правовых системах, «вынести за скобки» те характеристики субъекта права, которые не соответствуют предмету юридической науки, юридизировать представления о субъекте права, пользуясь терминологией И. А. Ильина, перевести их из реальных методологических рядов в ирреальный (юридический) [Ильин 2008, с. 39]. Некоторые признаки субъекта права возникли и разрабатывались в других науках, но были качественно переработаны и перенесены в предметную область права¹. Только таким образом может быть сформирована актуальная модель правосубъектности, универсальная для разных отраслей права и для разных правовых систем. Посредством такого «оискусствления» формализованные представления о субъекте права могут быть приведены в стройную систему, в рамках которой выявляется их взаимосвязь, а в отсутствие одного из признаков теоретическая модель правосубъектности перестает существовать. Благодаря такой модели можно составить четкое представление о том, что собой представляет субъект права в современной юриспруденции, и о критериях, согласно которым его можно отграничить от неправовых субъектов. Данная модель может способствовать совершенствованию теоретических представлений о субъекте права, а также юридической практики в части правового регулирования потенциальных субъектов права, в частности искусственного интеллекта.

Мы предлагаем создать теоретическую конструкцию, обладающую внутренними смысловыми связями, «идеальный тип» субъекта права, редуцируя все многообразие встречающихся характеристик к общепринятым, соответствующим теории права признакам, инвариантным социальным изменениям [Вебер 1990, с. 289–390]. Такая конструкция не является точной копией конкретного субъекта права, она схожа с ним, но полностью ему не тождественна. Вместе с тем важно отметить, что если потенциальный субъект права, коим в настоящее время является искусственный интеллект, не будет соответствовать хотя бы одному элементу предложенной конструкции, то в правосубъектности ему должно быть отказано.

¹ К таковым относится признак правовой воли. Правовая воля понимается как источник перевода внутреннего устремления в действие, имеющее юридическое значение, основание возникновения и реализации субъективных прав и юридических обязанностей. Юридическая формализация воли позволяет выстроить такие юридические конструкции, как право-дееспособность, юридическая ответственность, определить условия действительности сделок в частном праве.

К элементам такой конструкции целесообразно отнести: 1) возможность самостоятельно осуществлять субъективные права и юридические обязанности; 2) возможность нести юридическую ответственность за противоправные поступки; 3) обособленность имущественную и организационную (для коллективных субъектов права); 4) правовую индивидуализацию; 5) свободную правовую волю и вытекающие из нее собственные правовые интересы.

Рассмотрим искусственный интеллект в рамках предложенной конструкции. *Во-первых*, такой признак, как возможность самостоятельно осуществлять субъективные права и юридические обязанности, у искусственного интеллекта отсутствует. Ранее мы отмечали наметившееся в юридической литературе отождествление правовой природы искусственного интеллекта и юридического лица, поскольку последнее признается производным, буквально «искусственным» субъектом права. Следствием подобного отождествления становится признание возможности искусственного интеллекта, обладающего высокой степенью автономности, самостоятельно реализовывать субъективные права и юридические обязанности. В научной литературе встречается мнение о том, что в определениях правового статуса искусственного интеллекта и юридического лица не существует различий, поскольку правовой статус того и другого, по существу, является юридической фикцией [Серова 2018; Морхат. К вопросу ... 2018]. Юридические лица якобы не обладают собственной правовой природой, выражают волю и интересы конкретных физических лиц и возникают исключительно по воле законодателя [Mendoza-Caminade 2016], а потому нет никаких препятствий для наделения подобной «мнимой правосубъектностью» и искусственного интеллекта. В. В. Архипов пишет, что юридическое лицо – это признанное правосубъектным имущество, поэтому наделение «умных» роботов правосубъектностью логично. Последние могут быть признаны имуществом, обладающим в силу функциональных особенностей правосубъектностью, способным от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности [Архипов В. Юридические аспекты ... 2017; Архипов, Наумов 2017, с. 51].

Вместе с тем важно отметить справедливое замечание С. И. Архипова о том, что данная теория, отказываясь признавать реальность юридического лица, закрывает вопрос о его сущности, отказывается понять этот феномен [Архипов С. И. Сущность юридического ... 2004, с. 73]. Более того, само понятие «фикция» не основывается на действительности, предельно оторвано от нее, тогда как понятие «субъект права» является отражением правовой действительности, правовой реальности отношений, но очищенным от всего неправового, не имеющего отношения к юриспруденции [Архипов С. И. 2019, с. 100]. Именно поэтому юридические лица вполне реальны, но не в физическом понимании, как груда имущества или совокупность людей, а в понимании социально-юридическом, как юридическая конструкция, необходимая для обособления интересов в праве, обособления гражданских правоотношений.

Более того, обсуждаемая в литературе гражданская право-дееспособность искусственного интеллекта должна предполагать не просто совершение заранее определенного действия², влекущего возникновение, изменение и прекращение прав и обязанностей, но и способность самостоятельно принимать решение, согласовывать условия соглашений в договорных правоотношениях, определять правовые требования, в том числе и встречные. Очевидно, что современный искусственный интеллект в отсутствие полной автономии и не обладая таким важным признаком субъекта права, как свободная правовая воля, не может самостоятельно реализовывать субъективные права и юридические обязанности.

² Это касается «смарт-контрактов», заключаемых путем выражения субъектом права собственной воли с помощью электронных средств. Согласно Федеральному закону № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» само совершение такой сделки осуществляется компьютерной программой, факт ее совершения не оспаривается.

Во-вторых, острым остается вопрос о способности искусственного интеллекта нести юридическую ответственность. Как было отмечено выше, этот вопрос стал обсуждаться на уровне международных организаций. Так, в пункте А1 Резолюции Европейского союза «О правовом статусе роботов» отмечено, что существующие директивы Европейского союза не учитывают возможности несения юридической ответственности роботами нового поколения, чье взаимодействие с третьими лицами предугадать невозможно. В соответствии с докладом Сената Франции от 27 ноября 2017 г. юридическую ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом, необходимо возлагать на его разработчика или обучающего мастера.

Наделение умного робота способностью нести юридическую ответственность влечет пересмотр традиционных подходов к пониманию юридической ответственности, выражающийся в изменении конструкции состава правонарушения. В подобных случаях возникают серьезные проблемы с установлением таких признаков элементов конструкции правонарушения, как вина и причинно-следственная связь между противоправным деянием и наступившими последствиями. Для привлечения к юридической ответственности необходимо установить субъективную сторону, т. е. отношение субъекта к совершенному деянию, направленность воли. В случае с искусственным интеллектом установить субъективную сторону невозможно, поскольку он не обладает свободной волей и не может самостоятельно сформировать отношение к деянию, оценить степень опасности деяния, своевременно принять решение во избежание вредных последствий. Идея автономии, вследствие которой искусственный интеллект должен нести ответственность, превращает его из объекта права в бесконтрольного и безответственного субъекта.

В-третьих, искусственный интеллект не обладает ни имущественной, ни организационной обособленностью, свойственной, в частности, коллективным субъектам права. Обособленность в праве предполагает самостоятельность субъекта, необходимую для его распознаваемости и определенности в праве, отграничения от иных участников правовых отношений. По мнению Л. Н. Дювернуа, понятие правоспособного лица (субъекта права) существует лишь там, где «определившаяся сфера конкретных юридических отношений удерживает свойство обособленности, принадлежности их к этой именно сфере, с характером постоянным и объективно распознаваемым» [Дювернуа 1895, с. 242]. Что же до искусственного интеллекта, то тезис о наличии у последнего организационной и (или) имущественной обособленности не выдерживает критики. Ведь искусственный интеллект невозможно проанализировать через понятие организационно-правовой формы, он не может быть представлен в качестве структурированного, упорядоченного, целостного единства элементов (органов управления, контроля) и отношений между ними. И, конечно, искусственный интеллект не выступает субъектом права собственности, не может владеть, тем более, пользоваться и распоряжаться имуществом. Более того, искусственный интеллект не может обладать такими вещными правами лиц, не являющихся собственниками, как право хозяйственного ведения и право оперативного управления (несмотря на то что в юридической литературе уже существуют попытки обоснования принадлежности таких прав искусственному интеллекту), хотя бы потому, что в ст. 294 и 296 Гражданского кодекса РФ конкретно и ясно установлены лица, обладающие такими правами.

В-четвертых, искусственный интеллект не обладает свойством правовой индивидуализации, присущей всем субъектам права. Не обладая признаком правовой индивидуализации, служащей цели обособления субъекта права, его прав и интересов в правовых отношениях, последний не может вступить в правовые отношения. Требование правовой индивидуализации выражается в определении имени для физических лиц, регистрации актов гражданского состояния, регистрации юридических лиц, определении фирменного наименования и организационно-правовой формы юридических лиц, их местонахождения, регистрации товарных знаков.

В настоящее время искусственный интеллект, как комплекс технологических решений, включающих в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений, может быть обособлен в гражданском обороте исключительно как объект права интеллектуальной собственности. Однако даже при таком определении искусственного интеллекта возникает ряд сложностей. Так, в законодательстве России искусственный интеллект не определен в качестве результата интеллектуальной деятельности. Более того, существует фрагментарность правовой защиты искусственного интеллекта в рамках права интеллектуальной собственности, отсутствует закрепление искусственного интеллекта как комплекса технологических решений в качестве единого сложного объекта интеллектуальных прав. Определение, закрепленное в ч. 1. ст. 2 ФЗ от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве», предполагает, что комплекс технологических решений, которым является искусственный интеллект, может быть отнесен к авторскому праву (программы для ЭВМ, базы данных), патентному праву (изобретения), а также секретам производства (ноу-хау).

В-пятых, искусственный интеллект не обладает свободной правовой волей и вытекающими из нее собственными правовыми интересами. Способность субъекта права принимать правовые решения основана на свободной воле как способности переводить правовые устремления в юридически значимые действия, понимать значение совершаемых поступков и их юридические последствия.

Важнейшим, сущностным качеством субъекта права выступает именно правовая воля. Подтверждение этих слов мы находим в немецкой классической философии. Так, Гегель рассматривал субъекта права как свободную волю, руководствующуюся разумом. Философ отмечал, что исходной точкой права является воля, которая свободна, а следовательно, и система права есть царство осуществленной свободы [Гегель 2009, с. 31]. В свою очередь, Кант реализовал попытку разрушить детерминизм деятельности индивида, основываясь на концепции свободной воли и разума. Согласно взглядам Канта, каждая вещь в природе существует сообразно ее законам, но только «разумное существо имеет волю, или способность поступать согласно представлению о законах» [Кант 1994, с. 234]. Поскольку для соотношения собственных поступков с законами необходим разум, то воля становится этим практическим разумом.

С. И. Архипов справедливо замечает, что «именно воля позволяет отграничивать субъекта от объекта права, правовое лицо – от “юридического мопса”, и именно воля обеспечивает лицу возможность участвовать в правовых отношениях» [Архипов С. И. Субъект права ... 2004, с. 43]. Более того, воля дает представление о том, что субъект права – это и есть решающая инстанция права, наделенная собственными правовыми интересами, способная самостоятельно вступать в правоотношения, самостоятельно реализовывать права и обязанности и, наконец, нести юридическую ответственность за нарушение норм права.

Видя тенденцию отождествления правового статуса искусственного интеллекта и юридического лица в гражданском праве, следует предположить вероятность проведения аналогии воли юридического лица и искусственного интеллекта. Однако подобная аналогия не может быть корректной, поскольку механизм формирования воли юридического лица имеет свои особенности. Воля последнего является своего рода идеализацией, не суммой индивидуальных волеизъявлений, но высшим единством, в связи с чем, по мнению Н. Н. Алексеева, идея юридического лица не может быть фикцией [Алексеев Н. Н. 1999, с. 48]. Воля юридического лица формируется его органами и принадлежит юридическому лицу, а не его органам и (или) членам для обособления отдельной сферы правоотношений. В свою очередь, искусственный интеллект не только не нуждается, подобно юридическому лицу, в обособленной сфере гражданских юри-

дических отношений, но и фактически не обладает свободной волей, отчужденной от воли разработчика, владельца или пользователя.

Итак, наделение искусственного интеллекта правосубъектностью противоречит не только предложенной в настоящей статье модели субъекта права, но и таким юридическим конструкциям, как состав правоотношения и правонарушения. Более того, превращение в жизнь подобной идеи способно окончательно сделать человека, признанного субъекта права, заложником собственного творения и создать пространство для правовой неопределенности, весьма удобной для того, чтобы действительно виновное лицо смогло избежать юридической ответственности.

Список источников

- Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб. : Лань, 1999. 256 с.
- Алексеев С. С. Общая теория права : курс в 2 т. Т. 1. М. : Юридическая литература, 1981. 361 с.
- Архипов В. В., Наумов В. Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. 2017. № 6 (55) С. 46–62. DOI 10.15622/sp.55.2.
- Архипов В. Юридические аспекты робототехники. Несколько слов о роботах с юридической точки зрения: правосубъектность // Адвокатская газета. 24.01.2017. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/yuridicheskie-aspekty-robototekhniki/?ysclid=lozgka1124180841177> (дата обращения: 07.11.2018).
- Архипов С. И. Современные проблемы юридической науки : учеб. пособие по дисциплине «Современные проблемы юридической науки» для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 40.04.01 «Юриспруденция» (степень магистр). Екатеринбург : Уральский гос. юрид. ун-т, 2019. 404 с.
- Архипов С. И. Субъект права: теоретическое исследование. СПб. : Изд-во Р. Асланова : Юридический центр Пресс, 2004. 469 с.
- Архипов С. И. Сущность юридического лица // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2004. № 5 (256). С. 71–87.
- Вебер М. Избранные произведения : пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайдено. М. : Прогресс, 1990. 808 с.
- Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики)? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48. DOI 10.17323/2072-8166.2018.4.24.48.
- Гегель Г. В. Ф. Философия права : пер. с нем. М. : Мир книги : Литература, 2009. 464 с.
- Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239&ysclid=lozo136tdj863257736> (дата обращения: 20.08.2023).
- Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (протокол I) : принят на дипломатической конференции в Женеве 8 июня 1977 года. URL: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf (дата обращения: 20.08.2023).
- Дремлюга Р. И., Дремлюга О. А. Искусственный интеллект – субъект права: аргументы за и против // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 2. С. 120–125.
- Дювернуа Л. Н. Из курса лекций по гражданскому праву: Введение и часть общая (учение о лицах). 2-е изд. СПб. : Типо-лит. А. Е. Ландау, 1895. 544 с.
- Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях от 03 декабря 2018 года : принята на 31-м пленарном заседании ЕКЭП (Страсбург, 3–4 декабря 2018 года). Страсбург : Европейская комиссия по эффективности правосудия (ЕКЭП), 2018. 64 с. URL: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-enversion-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4> (дата обращения: 05.08.2023).

- Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны // Организация Объединенных Наций : официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian.shtml (дата обращения: 10.08.2023).
- Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными // Организация Объединенных Наций : официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners.shtml (дата обращения: 10.08.2023).
- Ибрагимов Р., Сурагина Е. Право машин. Как привлечь робота к ответственности // Корпоративный юрист. 2017. № 11. URL: <http://e.korpurist.ru/article.aspx?aid=599113> (дата обращения: 21.08.2023).
- Ильин И. А. Понятия права и силы. (Опыт методологического анализа) // Ильин И. А. Теория права и государства. Изд. 2-е, доп. (под редакцией и с биографическим очерком В. А. Томсинова). М. : Зерцало. 2008. С. 92–111.
- Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 6. 1994. С. 224–543.
- Козлов В. А. Проблемы предмета и методологии общей теории права. Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1989. 120 с.
- Конвенция (I) об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях. Женева, 12 августа 1949 года. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/geneva-convention-1.htm> (дата обращения: 10.08.2023).
- Конвенция (II) об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море. Женева, 12 августа 1949 года. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/geneva-convention-2.htm> (дата обращения: 10.08.2023).
- Морхат П. М. К вопросу о правосубъектности «электронного лица» // Юридические исследования. 2018. № 4. С. 1–8.
- Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности : гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Морхат Петр Мечиславович ; [Место защиты: Рос. гос. акад. интеллектуал. собственности]. М., 2018. 420 с.
- Нерсесянц В. С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М. : Норма : ИНФРА-М, 2009. 282 с.
- Нормы гражданского права о робототехнике : Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 г. // Робоправо : исследовательский центр проблем регулирования робототехники и искусственного интеллекта. URL: http://robopravo.ru/riezoliutsia_ies (дата обращения: 15.08.2023).
- Окинавская хартия Глобального информационного общества от 22 июля 2000 года : принята главами государств и правительств «Группы восьми» 22 июля 2000 года // Президент России : официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения: 10.08.2023).
- Проект Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники». М., 2016. URL: <http://robopravo.ru/uploads/s/z/6/g/z6gj0wkwhv1o/file/bESvQz3Y.pdf> (дата обращения: 22.10.2018).
- Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 07.08.2017. № 32. Ст. 5138.
- Рекомендации об этических аспектах искусственного интеллекта ЮНЕСКО от 24 ноября 2021 года. URL: <https://ifap.ru/ofdocs/unesco/airec.pdf> (дата обращения: 29.08.2023).
- Семитко А. П. Рецензия на диссертацию Е. В. Пономаревой «Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения» // Вестник Гуманитарного университета. 2020. № 1 (28). С. 69–75.
- Серова О. А. Роботы как участники цифровой экономики: проблемы определения правовой природы // Гражданское право. 2018. № 3. С. 22–24. DOI 10.18572/2070-2140-2018-3-22-24.

- Тарасов Н. Н. Метод и методологический подход в правоведении (попытка проблемного анализа) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2001. № 1 (234). С. 31–50.
- Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Президент России : официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 22.10.2018).
- Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”» // Официальное опубликование правовых актов : сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004240030?ysclid=lozmbf703417597155> (дата обращения: 22.10.2018).
- Bensoussan A., Puigmal L. Le droit des robots ? Quelle est l'autonomie de décision d'une machine ? Quelle protection mérite-t-elle ? // Vers de nouvelles humanités ? L'humanisme juridique face aux nouvelles technologies (Archives de philosophie du droit n° 59). Dalloz, 2017. P. 165–174.
- Declaration by the Committee of Ministers on the risks of computer-assisted or artificial-intelligence-enabled decision making in the field of the social safety net : adopted by the Committee of Ministers on 17 March 2021 at the 1399th meeting of the Ministers' Deputies // Council of Europe. 2021. URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=0900001680a1cb98 (access date: 05.08.2023).
- Guidelines on Artificial Intelligence and Data Protection. Strasbourg, 25 January 2019 T-PD(2019)01 / Consultative Committee of the Convention for the Protection of Individuals with Regard to Automatic Processing of Personal Data. URL: <https://rm.coe.int/guidelines-on-artificial-intelligence-and-data-protection/168091f9d8> (access date: 05.08.2023).
- Jousset-Couturier B. La transhumanisme: Faut-il avoir peur de l'avenir ? Paris : Eyrolles, 2016. 188 p.
- Loiseau G., Bourgeois M. Du robot en droit à un droit des robots // La Semaine Juridique. 2014. № 48. P. 2162–2167.
- Mendoza-Caminade A. Le droit confronté à l'intelligence artificielle des robots : vers l'émergence de nouveaux concepts juridiques ? // Recueil Dalloz. 2016. № 8. P. 445–448.
- OECD Recommendation of the Council on Artificial Intelligence : Adopted on 22.05.2019. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449> (access date: 03.09.2023).
- Recommendation CM/Rec(2020)1 of the Committee of Ministers to member States on the human rights impacts of algorithmic systems (Adopted by the Committee of Ministers on 8 April 2020 at the 1373rd meeting of the Ministers' Deputies) URL: https://search.coe.int/cm/pages/result_details.aspx?objectid=09000016809e1154 (access date: 05.08.2023).
- Report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics 27.1.2017 - (2015/2103(INL)) / Committee on Legal Affairs. https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-8-2017-0005_EN.html (access date: 22.08.2023).
- The Transhumanist Declaration (originally crafted in 1998) // Humanity+ : website. URL: <https://www.humanityplus.org/the-transhumanist-declaration> (access date: 22.08.2023).
- Valette D. Le De l'automatisation à l'intelligence artificielle dans le domaine de la santé. Le Droit humain doit-il se saisir de l'intelligence artificielle ? // Le Journal de Droit de la Santé et de l'Assurance Maladie / IDS Institut Droit et Santé. 2017. № 17. P. 8–13.

Информация об авторе

Елена Владимировна Пономарева, канд. юрид. наук, доцент кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» (Тюмень, Россия). ORCID 0000-0003-3057-9685, SPIN-код 5603-0677, helenmonev@gmail.com.

Information about the author

Elena V. Ponomareva, Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof. at Theoretical and Public Law Disciplines Department, Tyumen State University (Tyumen, Russia). ORCID 0000-0003-3057-9685, SPIN-код 5603-0677, helenmonev@gmail.com.

Статья поступила в редакцию | The article was submitted 08.09.2023.

Одобрена после рецензирования | Approved after reviewing 29.09.2023.